

УДК 93
ББК 63.3
М – 32

Масюков Николай Александрович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологических и педагогических наук Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления им. К.В. Россинского, e-mail: t9994242@yandex.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КРЕСТЬЯНСТВА В УСЛОВИЯХ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917-1922 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ КУБАНО-ЧЕРНОМОРЬЯ)
(рецензирована)**

Автором исследуются процессы эволюции традиционной правовой культуры сельского населения Кубани, рассматриваются его кризисные черты, доминирующие антиправовые действия власти и асоциального поведения крестьянства.

***Ключевые слова:** гражданская война, правовая культура крестьянства, кубанское казачество.*

Masjukov Nicholai Alexandrovich, Candidate of Pedagogy, associate professor of the Department of Psychology and Educational Sciences, K.V. Rossinsky Institute of International Law, Economics, Humanities and Management., e-mail: t9994242@yandex.ru

**THE EVOLUTION OF PEASANTRY LEGAL CULTURE IN THE CIVIL
WAR OF 1917-1922-s
(ON THE MATERIALS OF KUBAN AND BLACK SEA COAST)
(Reviewed)**

The author examines the processes of evolution of the traditional legal culture of the rural population of the Kuban. Its crisis lines, the dominant anti-legal actions of the government and anti-social behavior of the peasantry have been considered.

Keywords: civil war, the legal culture of the peasantry, the Kuban Cossacks.

Осмысливая события эпохи гражданской войны, следует учитывать, что они не только изменили государственный, общественно-политический и социально-экономический строй России, но и породили глубокий кризис общественной нравственности, традиционной правовой культуры. Различного рода асоциальные девиации, уголовная преступность достигли в это время небывалых масштабов, логически завершив те глубинные процессы, которые набирали силу в рамках всего пореформенного периода [1].

Предпосылки для нарастания кризиса общественной нравственности, правосознания населения страны были созданы как общими изменениями в социальном строе, так и крайне неэффективной деятельностью имперского правительства предреволюционный период. Провалы в его внутренней и внешней политике подрывали веру в легитимность существующей власти, усиливая рост криминалитета. В итоге, его устойчивый рост порождал стихийный протест широких масс, нередко проявлявшийся в стихии самоуправства и самосудов. Так, к примеру, после всплеска преступности в период Пасхальной недели 1916 года, казаки станицы Староминской Кубанской области, несмотря на противодействие властей, разгромила местный карцер. Под крик «бей полицию, если она защищает воров грабителей», толпой были убиты трое задержанных [2].

В целом, уже в предреволюционный период в правовой культуре сельского населения региона стали очевидными черты углублявшегося кризиса, распространение различного рода негативных явлений, связанных с постепенным отходом от традиционных этических, моральных устоев. В частности, среди наиболее частных проявлений асоциального поведения выделим широкое распространение пьянства, хулиганства, проституции, рост детской преступности.

Вхождение страны в полосу широкомасштабной гражданской войны максимально обострило отмеченные негативные процессы, довело их до крайних форм проявления. По сути, распад традиционной правовой культуры регионального социума в это время приобрел вид тотальной криминализации различных слоев общества. Причем гражданская война, стала не только борьбой политически организованных сил, но и ареной криминальных страстей, ожесточенной войной криминализированных миров. В ситуации, когда единое правовое пространство страны фактически распалось, законы максимально девальвировались, а беззаконие облекалось в нормы правопорядка, преступление превратилось едва ли не в норму жизни.

В первую очередь благодаря большевикам, в условиях войны само восприятие преступления приобрело выраженный классовый оттенок. В том же случае, если криминальная активность была направлена против классовых антагонистов, то она воспринималось, как оправданное, допустимое, вполне справедливое действие. Поэтому человек, совершая противозаконные действия, нередко не считался преступником. Индульгенцию выдавали и на прежние грехи: «Если в прошлом и занимался грабежами, то исключительно грабил только богатых, а беднякам даже помогал, но никогда не позволял взять, что-либо у бедняка» [3].

В итоге, важнейшей чертой наступившей эпохи стало восприятие населением окружающей среды как заведомо враждебной, содержащей различного рода негативные, апокалиптические элементы: «Война... враг со всех сторон. Кто друг, кто недруг не известно. От родных далеко и тыла нет. Нет милости к побежденным... Воздух насыщен злобой и ненавистью» [4; 25-26]. Правовая реальность в данной ситуации не могла рассматриваться как определенная. А существование человека в нестабильной правовой среде предполагало постоянный поиск врага,

преимущественно политического. Например, в «Воззвании коммунистов-большевиков на Кубани», вышедшем в 1918 г., отмечалось: «Наши враги прикрываются различными масками. Кто такие беспартийные. Это те же контрреволюционеры только временно переименовавшие свою вывеску» [5]. Впрочем, разоблачение вражеских происков было характерным и для Белого движения. В частности, об этом свидетельствует текст телеграммы генерала Врангеля: «Прикрываясь именем Кубанцев горстка предателей, засев в тылу, отрешаясь от матери – России. ... преступники оказывали содействие врагам России, той Красной нечисти, которая год назад залила Кубань кровью» [6].

В целом, перманентное, носившее цепной характер насилие в отношении политических противников считалось совершенно оправданным с правовой точки зрения. Причем в его водоворот попадали и лица, связанные с ними родственными и иными узами. Так, в воззвании атамана «зеленых» отмечалось: «Я держу у себя свыше двух тысяч заложников: комиссаров, коммунистов, членов их семейств, жизнью отвечающих за ваши семьи» [7].

Итак, следует констатировать неуклонное выхолащивание целостных правовых установок в правовой культуре сельского населения Кубани. Крестьянско-казачье восприятие правовой среды носило парадоксальный и инверсионный характер, выразившийся в многовариантности правовых представлений. Зачастую правовые взгляды, которыми руководствовалось сельское население в повседневности, совмещали в себе черты различных, иногда взаимоисключающих правовых доктрин и идейных концепций [8].

Распад основанных на религиозных, этических и нравственных ценностях прежней исторической эпохи правовых норм, общая морально-нравственная дезориентация сознания обусловили распространение анархических форм поведения. Одна из ростовских газет писала: «живет и крепнет другая «платформа», порожденная глубокими разрушениями судебно-административного аппарата, свободой - безнаказанностью, платформа истинного «дедушки» русской революции, блаженной памяти Ивана Емельяновича Пугачева. «Свобода» - это еду, куда хочу, беру, что хочу!». ... Недавно одна станица наложила на иногородних контрибуцию по 250 р. со двора, в другой заняты присвоением богатейшего казенного леса..., в третьей толкуют о дележе мизерных мужицких наделов. И все это обильно поливается ракой самогонкой...» [9].

В целом, в массе сельского населения Кубанской области девальвировались представления о характере прав и обязанностей личности, о справедливости и праве, как неизменных категориях общественного бытия, было во многом утрачено уважение к самой идее законности, правопорядка. Право и закон представляли собой совершенно абстрактные категории, не имевшие практического смысла. На деле право карать и миловать находилось в руках того, у кого в руках была винтовка и на чьей стороне была сила. Такая доминирующая сила и воспринималась населением как

реальное выражение права. В свою очередь, понятие законности теперь связывалось с политической волей победившей политической силы.

Устойчивое закрепление негативных черт в правосознании крестьянства Кубани произошло под влиянием тотального террора эпохи «малой гражданской войны». Специфическим явлением данного времени стал «политический бандитизм», захвативший широкие слои сельского населения региона, особенно казачества. Прекрасно понимая социальную природу данного движения, большевики действовали «таким образом, чтобы население само было заинтересовано в скорейшей ликвидации шаек. Здесь надо действовать всесторонне и решительно: если культпросветительные и агитационные меры недостаточны, следует обязать круговой порукой всех кулаков и богатеев данного села» [10, с. 364]. Так, «Баталпашинская правда» летом 1920 г. писала: «Вплоть до превращения в пепел станиц, Советская власть будет вытравливать корешки и хвостики деникинской затеи. Колеблющимся и тайным пособникам бандитов следует трижды прочесть приказ № 18 и в предоставленный им последний час выбрать определенно или рука об руку с Советской властью, или открыто против нее» [11].

В свою очередь, повстанцы воспринимали свою борьбу как противодействие преступной политике большевиков, как сопротивление коммунистическому рабству. Ответом на это стал масштабный красный террор, осуществлявшийся как стихийно, так и с санкции официальных структур. В частности, только 8 марта 1921 г. член Реввоенсовета IX Кубанской армии - Эпштейн санкционировал захват заложников в 20 населенных пунктах Кубанской области. В Баталпашинском отделе заложников планировалось взять в Баталпашинске и станице Темнолесской. В Краснодарском отделе - в станицах Эриванской, Баканской, Ключевой, Мартанской, Бжедуховской и Куцевке. В Славянском отделе - в станицах Новонижестеблиевской, Ивановской, Староджермовской, Степной. В Ейском отделе - в Ейске и станицах Новоминской, Староминской, Албанской. В Майкопском отделе - в Майкопе и в станице Кубанская. В Кавказском отделе - в станицах Усть-Лабинской и Тихорецкой [12]. Несмотря на то, что в Кавказском отделе бело-зеленых отрядов замечено не было, началась активная подготовка к взятию заложников в станицах Тифлисской, Казанской, Кавказской, Новобекешовской, Тихорецкой, Новопокровской и Темижбекской [13].

На территории области был распространен формуляр, указывающий, кого и в каком количестве необходимо брать в заложники. В рекомендации отмечалось, что заложником должен быть человек не старше пятидесяти лет, пользующийся авторитетом среди кулацкого населения, а также лица, являющиеся противниками советской власти, члены семей ушедших с Врангелем или в бело-зеленые банды, активно способствующие бело-зеленым и сознательно ведущие антисоветскую пропаганду. О взятии заложников предлагалось широко оповещать население станицы, предупреждая, что в случае продолжения выступления банд, а также и

отдельных лиц из населения вплоть до убийства советских работников, все взятые большевиками заложники будут беспощадно расстреляны [14].

Репрессивная деятельность советской власти, направленная на искоренение повстанчества, в которой использовались такие методы, как заложничество, массовые расстрелы, концлагеря, дала свои результаты. Несмотря на бытующее мнение, большевистская пропаганда не стала причиной прекращения повстанчества. Так, например, в 1922 г. в Кубано-Черноморской области были убиты или схвачены 605 повстанцев, и только 1 человек добровольно сдался советским властям [15].

Это свидетельствует о том, что население Кубани с недоверием относилось к советской власти. И лишь тяга к мирному, созидательному труду, «усталость от войны» обусловили то, что оно было вынуждено смириться с тем, что место закона в полной мере заняла произвольно трактуемая новой властью политическая целесообразность.

Литература:

1. Миронов Б. Преступность в России в начале XX века // Отечественная история. 1998. №3.
2. ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 1032. Л. 202.
3. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 207. Л. 3.
4. Первый Кубанский поход. Февраль 1918г. // Часовой. Париж. 1933. № 101.
5. Кубанская правда. 1918. 25 мая.
6. ГАСК. Ф. 2061. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 18. Л. 28.
8. ГАРФ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 29. Л. 9.
9. В Кубанских станицах // Великая Россия. 1919. 20 сент.
10. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939 гг. Т.1. / под ред. А. Берловича, В. М. Данилова. 1998.
11. Баталпашинская правда. 1920. 20 сент.
12. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 239. Л.Л. 2-2об.
13. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 239. Л. 13.
14. ГАКК. Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.
15. АОАГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 26. Л.Л. 82-82об.